

УДК 811'А

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-17-32

ДИСКУРС СМЕШАННЫХ ЕДИНОБОРСТВ В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ

Алексеев А. Б.¹, Сорокина Э. А.²

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
119606, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84, стр. 1, Российская Федерация*

² *Государственный университет просвещения
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описание дискурса смешанных единоборств через призму термина «мягкая сила», нахождение способов реализации мягкой силы в дискурсе смешанных единоборств.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования служит дискурс-анализ, представленный критическим (КДА) и лингвопрагматическим – контекстуальным и лингвостилистическим – разновидностями дискурсивного методологического подхода. Используются также общенаучные методы. В их числе: наблюдение, сравнение, индукция. В качестве материала исследования избраны спортивные трансляции на видеоплатформе YouTube. В ходе изучения определяются те дискурсивные фрагменты, которые могут быть признаны трансляторами мягкой силы. Обозначаются языковые (лингвостилистические) и дискурсивные, в том числе невербальные, средства, употребляемые для создания «мягких» аттракторов.

Результаты. Доказано, что термин «мягкая сила» применим к анализу спортивной коммуникации и её частных разновидностей (субдискурсов), к которым и может быть отнесена анализируемая коммуникативная среда. Обосновано видение мягкой силы как, с одной стороны, категории, относящейся к взаимоотношениям стран и культур, что соответствует классической найевской интерпретации этого термина, а с другой – представлена более широкая интерпретация мягкой силы, могущей увеличивать привлекательность личности бойца для аудитории. Достигается это различными способами, как правило, связанными с вплетением в спортивную профессиональную коммуникацию элементов других дискурсов. В статье обращено внимание на то, как обсуждается внешность бойца, приведены примеры мотивационного дискурса. Последний может также включать религиозные мотивы.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в описании относительно малоизученного, узкопрофессионального дискурса, а также раскрытии актуальности понятия «мягкая сила» для спортивной лингвистики.

Ключевые слова: мягкая сила, мотивационный дискурс, политика, спортивный дискурс, смешанные единоборства, татуировки

MIXED MARTIAL ARTS DISCOURSE IN CONNECTION WITH THE STUDY OF SOFT POWER

A. Alexeyev¹, E. Sorokina²

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prospect Vernadskogo 84 build. 1, Moscow 119606, Russian Federation*

² *State University of Education
ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe mixed martial arts (MMA) discourse through the prism of the term 'soft power'. To find the methods of soft power realization in MMA discourse.

Methodology. The key method used in the research is discourse analysis which is represented by critical (CDA) and linguopragmatic (contextual and linguostylistic) methodological variations of discursive approach. General scientific methods such as observation, comparison and induction are also used. Sport broadcasts on YouTube video platform are selected as the research material. In the process of the study, discursive fragments which can be seen as translators of soft power are determined. Linguistic (linguostylistic) and discursive means, including the non-verbal ones which are employed for the creation of 'soft' attractors, are singled out.

Results. It is proven that the term 'soft power' is applicable to the analysis of sport communication and its variations (subdiscourses), to which the analyzed communicative sphere can be referred. The view on soft power as a versatile category is postulated: on the one hand, in accordance with the Nye's classical interpretation, it has to deal with relationships between countries and cultures but, on the other, the article presents a wider outlook on soft power as a tool that can increase the attractiveness of the MMA fighter's personality for the audience. The latter projection of soft power is achieved through different methods usually connected with the inclusion of the elements of other discourses in the MMA professional communication. The article pays attention to the ways the MMA fighter's appearance is discussed and provides some examples of motivational discourse that can also include religious motives.

Research implications. The research describes a relatively understudied, narrow professional discourse and reveals the importance of the notion of soft power for sports linguistics in general.

Keywords: soft power, motivational discourse, politics, sport discourse, mixed martial arts, tattoos

Введение

Термин «мягкая сила» (англ. soft power) принадлежит Дж. Наю, хотя сама концепция, можно даже сказать философия, мягкой силы возникла во многом и благодаря трудам итальянского революционера-неомарксиста А. Грамши, обогатившего учение К. Маркса, уделив особое внимание «надстройке» – в классическом марксизме структуре, подчинённой экономическому базису, – разработав ключевые положения теории культурной гегемонии. Некоторые основополагающие идеи о преимуществах непринуждённого, обольщающего воздействия орга-

нически включены, пусть и не в строго научном виде, в ряд древнейших религиозно-философских течений, таких как даосизм.

Профессиональный спорт, будучи неотъемлемой частью глобальной и национальной культуры, несомненно, – фактор мягкой силы, оказывающий прямое или, как минимум, косвенное влияние на многие сферы человеческой деятельности, включая детальность политическую. Отметим педагогические, воспитательные функции спорта, ведь он позволяет привить детям любовь к здоровому образу жизни, выработать у них силу характера

и выносливость, и вообще лучшие моральные качества, в том числе патриотизм [10, с. 177].

Профессиональный спорт репрезентирован внушительным количеством видов спорта. Смешанные единоборства (англ. mixed martial arts, сокращённо MMA), иногда не совсем корректно именуемые боями без правил, уже никак не могут быть названы малоизвестным, маргинальным занятием небольшой группы «эксцентричных» людей, коим они могли казаться на этапе своего формирования – в конце прошлого столетия. Напротив, современные смешанные единоборства, несмотря на свою относительную новизну, контрастирующую с богатой историей различных боевых искусств, так или иначе положенных в их основу, до сих пор сохраняющееся неоднозначное отношение к ним со стороны социума, не всегда готового приветствовать жестокость и травмоопасность поединков, особенно в области женского MMA, вошедшего в моду лишь в начале XXI в., а также достаточное количество зрелищных и традиционно популярных разновидностей спорта, включая боевые – бокс, муай-тай, кикбоксинг, – превращаются в один чуть ли не самый узнаваемый и широко любимый, если и не всеми, то очень многими, тип спортивных состязаний.

Вопреки росту общественных симпатий к смешанным единоборствам, филологических изысканий, посвящённых им, по имеющимся у нас сведениям, немного. Новизна настоящего исследования детерминируется не только анализом сравнительно малоизученной дискурсивной среды, но и переносом критического лингвистического подхода, актуального прежде всего в лингвополитологии, на рассмотрение общения в мире спорта, что в связи с темой исследования предполагает подчёркивание мягкой силы спорта и в особенности спортивной коммуникации и процессов, имеющих место в ней, результирующих в формирование сложной сети дискурсов. В статье доказывает-

ся, что современные MMA, обладая мягкой силой, способствуют продвижению определённых социально и культурно значимых смыслов, тем самым становясь, по сути, гибридным дискурсом.

Материалом исследования служат англоязычные поединки MMA, за исключением иностранных вкраплений в речи бойцов, как правило, переводимых. Примеры приводятся из 6 интернет-передач разной длины, в общей сложности занимающих более 10 часов просмотра. Тематически все они посвящены соревнованиям в области смешанных единоборств.

Методами исследования являются техники дискурс-анализа – то, что А. Леонард в своей книге “Political poetry as discourse ...” называет мета-междисциплинарным и мета-методологическим (англ. meta-(inter)disciplinary and meta-methodological) подходом, внутри которого необходимо различать конкретные пути достижения исследовательской цели [22, p. 11] – в нашем случае описания дискурса смешанных единоборств через призму понятия «мягкая сила».

Одним из востребованных методов можно считать критический дискурс-анализ (КДА), тоже весьма неоднородное научное направление, в своей классической версии разработанное Т. Ван Дейком, предполагающее уделение внимания прежде всего тем аспектам коммуникации, которые связаны с трансляцией и злоупотреблением властью и, как следствие, установлением дискурсивных практик, способствующих процветанию расизма, сексизма, эйджизма и прочих негативных идеологических течений. Нормативная и эксплицитная критика, употребляемая в КДА, позволяет «вскрыть», разоблачить – согласно принципу «осознание – первый шаг к освобождению» [20, p. 1], – многочисленные манипуляции, используемые в ходе социального общения, и в конечном итоге оказать поддержку агентам перемен, борющимся против вредных «измов» нашего времени [4, с. 24]. В этой связи в ста-

ть подчеркнута не просто мягкая сила дискурса смешанных единоборств, но и, к примеру, его соотнесённость с антирационалистскими, а также – в широком смысле – мотивационными идеями.

Помимо обращения к методологическому инструментарию политической и критической лингвистики, в статье применяются и лингвопрагматические / лингвостилистические концепции, без которых немислим контекстуальный анализ, по словам Г. А. Копниной, «позволяющий сделать выводы об изменении коннотации слова в том или ином контексте и определить прагматическую функцию выявленных речевых фактов» [9, с. 248]. В ходе исследования актуализируются и общенаучные методы, такие, как наблюдение, сравнение, индукция.

Теоретические предпосылки исследования

Исходной теоретической установкой для нас является постулат, согласно которому спортивные и коммуникативно-дискурсивные, в том числе экстралингвистические, аспекты смешанных единоборств взаимосвязаны и вписаны в культурно-идеологические структуры, ведь идеология – это, по словам зарубежного исследователя, «не искажение коммуникации, а риторика базовой коммуникации» [19, p. 5].

О том, что спорт – инструмент мягкой силы, известно, пожалуй, с самого возникновения концепции мягкой силы. Наряду с институтами СМИ, образованием, наукой, искусством, музыкой, киноиндустрией, модой, спорт относится исследователями к основным механизмам создания культурной аттрактивности, принимающей различные формы, в том числе спортивной дипломатии. О значимости спорта и образующегося на его основе дискурса говорят не только применительно к общенациональному, но и региональному уровням [11].

В рамках филологического исследования важно подчеркнуть, что спорт, в осо-

бенности профессиональный, во многом конструируется посредством коммуникативной, прежде всего спортивно-журналистской деятельности [11, с. 84], поскольку «немой» спорт не выполнит и доли социальных функций, возложенных на него. Именно в данной связи видится актуальным обращение к спортивному и спортивно-медийному дискурсам и их многочисленным субдискурсам, в числе которых – (суб)дискурс смешанных единоборств, по имеющимся у нас данным, остающийся в лингвистической литературе неосвещённым и лишь начинающий привлекать внимание исследователей.

Во избежание неопределённости отметим, что употребление терминологической единицы «субдискурс», на наш взгляд, является факультативным – она лишь подчёркивает существующую иерархию спортивных дискурсивных пространств, которую в нашем случае можно представить следующей триадой: «спортивный дискурс – бойцовский (суб)дискурс – (суб)дискурс смешанных единоборств». Синонимичный термин «дискурс» предпочитается нами ввиду его конвенциональности.

Дискурс – при всей многозначности и неоднозначности этого понятия – связывался М. Фуко с властью (фр. *pouvoir*), интерпретируемой учёным широко, несомненно репрезентированной мягкой силой, хотя сам термин 'soft power' возник несколько позже. В фукианской концепции дискурс – важнейший инструмент власти, её результат, но наряду с этим и препятствие любым гегемонистическим устремлениям [21, p. 101].

В современном понимании мягкая сила – это ценный ресурс, позволяющий добиться поставленных целей не с помощью навязывания своего образа жизни и мыслей другим людям или репрессивных мер, но привлечения, в международной политике берущий начало в притягательности национальной культуры, предпочтительности идеологических и политических практик [23].

При этом, как видится, важно принимать во внимание, что сам термин «мягкая сила», особенно в условиях широкомасштабной гибридной войны между Западом и Россией, не однозначен и всё чаще наделяется негативным коннотативным содержанием. Так, после поворотного в современной международной политике 2014 г. в отечественной науке обозначилась алармистская тенденция рассматривать 'soft power' в качестве эвфемизма, маскирующего манипулятивные технологии, применяемые США. Корни проблемы, по свидетельству Н. В. Юдина, уходят ещё к трудам Дж. Ная, который, введя в политологию свой термин, часто использовал его и в публицистике, трансформируя научную категорию, им же предложенную, в своеобразный политический лозунг [18, с. 56].

Проблема мягкой силы активно исследуется в лингвистике и соотносится, например, с изучением явления языковой манипуляции, которое, хоть и успело уже «набить оскомину» [16, с. 42], отнюдь не может быть признанным завершённым ввиду, во-первых, широкой представленности манипулятивных техник и приёмов в самых различных дискурсивных средах и прежде всего политике, а во-вторых, постоянного их приращения, что соотносится с концепцией ускорения развития в XXI в., когда наука едва успевает осмыслить масштаб происходящих социальных изменений, в том числе в области коммуникации, то подверженной медиализации и ещё большей виртуализации в связи с пандемией [3, с. 85], то возвращающейся в русло острой конфронтации между ведущими мировыми державами, что вызывает к жизни не просто политическую лингвистику, но её новый подраздел – лингвистику информационно-психологической войны [9, с. 248], то подвергающуюся воздействию иных, трудно поддающихся систематизации коммуникативных процессов. Сейчас учёные фиксируют такие тренды, как агрессивизация, людизация (лат. ludo –

играю), медиализация, информационно-дискурсивная конвергенция (гибридизация) [17], ювенилизация и американизация общения [5, с. 98].

В каждом типе дискурса упомянутые коммуникативные тенденции преломляются по-своему. Например, изучая политический дискурс, имеет смысл выделить алармизацию, реализуемую среди прочих тактик через «нагнетание информации» [12, с. 10], и зачастую манипулятивную маргинализацию – по моделям самоидентификации «я не не-политик», «я женщина» и т. п., в принципе соотносящимся с тактикой саморекламы [12, с. 10]. Исследовательский интерес вызывает и формирование (полу)развлекательного политического контента – политейнмента или инфотейнмента [6]. Наблюдается также рост употребления политических неологизмов [14, с. 194], критическое отношение к политкорректности [8, с. 146], а зачастую и элементарной вежливости. Как следствие, активно применяется стратегия дисфемизации [15, с. 105]. Всё это сопровождается дигитализацией (от англ. digital – цифровой) и становлением глобального интернет-дискурса, исследуемого в рамках интернет-лингвистики [2, с. 8].

Дигитализация и людизация общения ведут, в свою очередь, к распространению тейнмент-коммуникации, представленной как минимум шестью дискурсами (бизнестейнмент, инфотейнмент, политейнмент, сайенсейнмент, спортейнмент, эдьютейнмент), во многом остающейся неизученным явлением. Так, понятие «спортейнмент» [13, с. 280], которое представляется весьма актуальным в связи с аттракционной, мягкой силой любого интерактивного дискурса и его органической включённостью в иные дискурсы (музыкальные, молодёжные, субкультурные), не исключая спортивный, в филологической литературе пока встречается нечасто.

В целом можно констатировать, что тема «спортивный дискурс и мягкая сила» в основном затрагивается в рамках по-

литологии и лингвополитологии, но сам факт того, что в последнее время появляется большое количество лингвистических исследований спорта, хотя ещё и редко, если вообще когда-либо, выделяющих дискурс смешанных единоборств, многозначителен. В соответствии с принципом экспансионизма успехи в области спортивной лингвистики могут послужить условием расширения её первоначальных границ и поиска точек соприкосновения этой языковедческой дисциплины с критической и лингвополитологической оптиками исследования. Широкое понимание политики и обращение к термину «мягкая сила» для этого представляются абсолютно необходимыми.

При интерпретации дискурса смешанных единоборств мы во многом следуем модели дискурса, изложенной в работе Н. А. Ахреновой и А. А. Орловой «Дискурсивные характеристики fashion-блогинга» [1]. В ней авторы выделяют такие компоненты (институционального) дискурса, как участники, хронотоп, цель, ценности, разновидности и жанры, стратегии, материал [1, с. 9]. Учитывая лимитации предпринимаемого исследования, а также его специфику, здесь невозможно осветить все перечисленные элементы – основной акцент в статье делается на раскрытии целей и в особенности ценностей дискурсивного сообщества бойцов смешанных единоборств, поскольку именно в них манифестируется мягкая сила.

Трансляция мягкой силы в дискурсе смешанных единоборств

Учитывая культурную и социальную нагруженность терминологической единицы «мягкая сила», можно сказать, что она представляет собой нечто большее, чем просто (лингво)политологический термин или, как мы имели возможность убедиться, – в иной исследовательской традиции – политический лозунг, способствующий продвижению интересов Запада. Найевское понятие ‘soft power’ – это ещё многогранный концепт, изучение

которого актуально для многих дискурсов, включая спортивный.

Часто о мягкой силе говорят применительно к международной политике. В подобного рода контекстах ведут речь о мягкой силе той или иной страны, об отсутствии или недостатке ресурса мягкой силы у конкретного государства, его увеличении или уменьшении. Почти всегда мягкая сила понимается в этом случае культурной или идеологической составляющей, принадлежащей влиятельным игрокам на мировой политической арене, претендующим если и не на гегемонию собственных социальных практик, то, как минимум, на их признание и уважение со стороны прочих, возможно, менее доминантных агентов международных отношений.

В дискурсе смешанных единоборств тоже отражено такое или близкое ему видение мягкой силы, соотносимое в анализируемой коммуникативной среде, к примеру, со смысловым выделением культурной значимости мест проведения спортивных состязаний:

Commentator 1: ... For the top fighters in the world there is no doubt about it. This is the Mecca of martial arts.

Commentator 2: The West might have Madison Square Garden. But here in the East we have Lumpinee Boxing Stadium. Some of the most iconic Muay Thai matches in history have gone down in this very building. And every time I set foot inside this historic arena, chills sends shivers (sic.) right down my spine.

Commentator 1: How about for you, Rich, what does this venue mean?

Commentator 3: You talk about this venue being iconic but actually to the people here in Thailand it's sacred. There's a rich history here and I'll tell you, anyone that's familiar with martial arts or Muay Thai for that matter, whether you're local or foreigner, you want to have the bragging rights of actually having grazed the ring inside the stadium¹.

¹ ONEFightNight7:Linekervs.AndradeII//ONEChampionship: YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=uBfIL1Wr5RQ&ab_channel=

Ведя речь о стадионе Лумпхини в Бангкоке, сравнивая его с Мэдисонсквер-гарден в Нью-Йорке, комментаторы ММА-соревнований характеризуют это место с помощью таких положительных эпитетов, как 'iconic', 'historic', 'sacred', усиливаемых синонимичными выражениями, в том числе метафорическими. Так, метафора 'the Mecca of martial arts' подчёркивает именно сакральный, священный (sacred) характер стадиона для тайцев, равно как и для всех любителей муай-тай и смешанных единоборств. Транслируются в дискурсе и эмоции говорящих, которые они испытывают (chills sends shivers ...), находясь в историческом здании. Даже прикоснуться (graze) к рингу в Лумпхини – большая честь для спортсмена или туриста. По словам журналистов, употребляющих переносный эпитет, Лумпхини гордо (proudly) возвышается, как Мекка смешанных единоборств, – данная метафора неоднократно повторяется в анализируемом материале:

*There are very few places in the world where everyone who enters stares in awe... More than 7 decades later Lumpinee Boxing Stadium stands proudly as the Mecca of martial arts*¹.

*Ср.: Here inside the Mecca of martial arts ...*²

Отмечается и то, что люди восторженно, почти зачарованно (in awe) смотрят на стадион, не отрывая глаз.

Места проведения ММА-поединков в принципе наделяются позитивными характеристиками – даже когда речь не идёт о таких крупных объектах, как Лумпхини:

*We're in super Singapore. You know, in the distance that you can just about see where we are now. This is the Singapore indoor stadium in all its glory*³.

ONE Championship (дата обращения: 19.03.2023). Далее – ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

¹ ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

² ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

³ ONE: BAD BLOOD | Full Event // ONE Championship : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/>

*Ср.: Athletes looking to state their claim on a world's stage but the respect they have for each other is undying*⁴.

Фраза 'a world's stage' здесь использована метафорически.

Выделение культурной важности Лумпхини сопровождается нарративом о тех воспоминаниях и, как следствие, эмоциональных переживаниях, которые возникают у конкретных людей, особенно если они выросли в Таиланде:

*Chatri Sityodtong: Something that my father gave me as a child is incredible memory of Lumpinee*⁵.

*Ср.: Chatri Sityodtong: Man, I'll tell you I had goosebumps all day like literally cuz this this is just, you know, this is the greatest fighting arena. You know, the West has Madison Square Garden, we have Lumpinee stadium. I grew up here as a kid. My father brought me here. You know, I saw the greatest fights in the world. So for me, this is an incredible, incredible historic moment to be able to come back to my hometown and be out in this iconic stadium*⁶.

Лингвопрагматическое воздействие оказывается здесь главным образом посредством использования эпитетов, выражаемых в том числе с помощью прилагательных в превосходной степени (greatest), усиливаемых и повторами (incredible, incredible). Эмоции передаёт фраза 'I had goosebumps' (ср. с рус. «мурашки по коже бегут»). Эксплицитно указывается, что для говорящего Бангкок – родной город, связанный с памятью об отце.

В плане изучения концепта мягкой силы имеет смысл обратить внимание на уже встречавшееся нам противопоставление Запада, представленного такой достопримечательностью, как Мэдисонсквер-гарден, Востоку, которому тоже

[watch?v=61hj9Ybkuds&ab_channel=ONE Championship](https://www.youtube.com/watch?v=61hj9Ybkuds&ab_channel=ONE%20Championship) (дата обращения: 19.03.2023). Далее – ONE: BAD BLOOD.

⁴ ONE: BAD BLOOD.

⁵ ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

⁶ ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

есть чем гордиться – Лумпхини. Всё это в совокупности создаёт имидж Бангкока как одной из главных столиц боевых искусств, сопоставимой по масштабу с Нью-Йорком, – неслучайно тайский бокс (муай-тай) занимает почётное место в ряду боевых разновидностей спорта. В этом, собственно, и проявляется себя мягкая, креативная сила рассматриваемого дискурса, способного увеличить притягательность Таиланда для туриста. Более того, ассоциировать себя с Бангкоком и Лумпхини для любого человека, интересующегося, а тем более занимающегося боевым спортом, становится знаком престижа. В свою очередь тайские спортсмены отмечают, что они становятся непобедимыми в здании Лумпхини, – родной город, родной стадион придают им силы:

*Tawanchai: Fighting in my home country in Lumpinee Stadium, I know I can't be beaten here*¹.

Уверенность спортсмена передаётся фразой 'I know'.

Участники соревнований нередко посвящают победы своей стране, как в следующем примере:

*Tang Kai: I dedicate this victory to my country*².

Иногда выступления бойцов смешанных единоборств метонимически переносятся на противостояния между государствами. В дискурсе боец ММА и его страна вообще неотделимы друг от друга: победа спортсмена – победа конкретной страны, их совместная победа. Как следствие, участник ММА-соревнований и его страна вместе идут в бой:

*I have to add that **el Burro** has not only his fans and following but **he has a great nation of Columbia that he is carrying on his back***³.

Ср.: *And now, ladies and gentlemen, after 3 rounds we go to the scorecards. All three judges have scored 29-28. You winner by unanimous decision, **there is the Bogota, Columbia, Sayury Canon***⁴.

Обращаясь к кличке бойца Эдуардо Мора 'El Burro' (исп. ослик), используя зооморфную метафору, которая в анализируемой коммуникативной среде лишена каких-либо отрицательных коннотаций, комментатор соревнований отмечает, что на своей спине колумбийский спортсмен «везёт» всю нацию. При этом последняя наделяется эпитетом 'great' – великая. Этот, по сути, жанр похвалы, адресованный колумбийцам, продолжается и далее:

*And we've been to Columbia a couple of times. We've briefed Combat Federation lines around the blocks into the stadium. **It is an incredible atmosphere in Columbia. They really deserve it, Phil** ...*⁵

Таким образом, мягкая сила дискурса смешанных единоборств в этих речевых фрагментах реализуется через создание журналистами позитивного имиджа не просто одному отдельно взятому спортсмену из Колумбии, но и фактически всем представителям латиноамериканской нации.

В спортивный комментарий могут быть инкорпорированы и иностранные слова, и даже целые предложения, в нашем случае передающие уважение и восхищение жителями Колумбии:

*But what he has is a unique opportunity to go into the Lion's den, to put the pressure on the home town favorite. Then, to steal that momentum, to write his name in the history books, as an outsider, the invader, if you will, who came in, **he has the entire nation of Columbia behind him**. And as you know, 'La*

¹ Ibid. Оригинальная фраза произносится на тайском языке. Перевод представляется по ходу трансляции.

² Ibid. Эта реплика, принадлежащая спортсмену из Китая, в оригинале произносится на китайском языке.

³ BRAVE CF 65 Re-live. Free MMA Fight Event // BRAVE Combat Federation : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0tpAnhtWZ9Q>

(дата обращения 08.11.2022). Далее – BRAVE CF 65 Re-live.

⁴ Sayury Canon vs. Amanda Macioce | Invicta FC 52 - Full Fight // Invicta Fighting Championships : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WDIajKISNsk> (дата обращения 08.11.2022).

⁵ BRAVE CF 65 Re-live.

*corazón de la gente en Colombia es muy, muy grande'. They have a huge heart*¹.

Выходец из Латинской Америки избранным аутсайдером, бесстрашным человеком, идущим в логово льва, готовым вопреки всему победить фаворита поединка – и за ним следует вся Колумбия. Эта гипербола, далее усиливаемая позитивной ремаркой в адрес соответствующей нации, приводимой вначале на её родном языке – испанском – и лишь затем переводимой на язык трансляции соревнований – английский. Комплимент колумбийцам построен на основе эпитета (*muy, muy grande*), а также метонимии: *La corazón* – здесь означает не сердце, а доброту людей, их особую сердечность.

В контекстах подобного рода раскрываются антирасистские мотивы спортивной коммуникации. В следующем примере, приводимом нами, Хамза Кухежи – боец из небольшой арабской страны Бахрейн – представлен человеком, бросившим вызов социальной несправедливости, ещё в юном возрасте решившим для себя, что он докажет людям: какие бы ни существовали предрассудки насчёт ближневосточных государств и культур, арабы умеют драться и побеждать.

*When he was growing up, he was told over and over again: 'You're Bahraini. You cannot be a professional athlete'. And he thought to himself: 'Why can't I? Someday I'm gonna change it'. And now he has changed it. He's fought for the world title. It was a controversial split decision. It didn't go his way. But now he's gonna bounce back, harder than ever ...*²

Для оказания наиболее эффективного прагматического воздействия на аудиторию журналист использует диалогическую форму подачи информации, предпочтительность которой кроется в её интерактивности – создании эффекта реального общения, даже если оно на самом деле протекает в виде моноло-

га. Мягкая сила даёт о себе знать в ходе конструирования маргинального национального дискурса: Хамза Кухежи представлен в нём спортсменом, который изначально не мог надеяться на какое-либо признание в своей профессиональной карьере – поскольку он родом из маленькой, малоизвестной страны Бахрейн и к тому же араб, он подвергался дискриминации. Тем не менее боец смешанных единоборств верил в себя – и благодаря упорному труду и сопутствующему ему успеху – навсегда изменил уничижительный для его сограждан расистский нарратив. Во многом оставаясь недооценённым бойцом, проиграв титул чемпиона мира в результате спорного раздельного решения судей, спортсмен, по мнению комментатора соревнований, вернётся к победам и ещё покажет, на что способен он и его страна, превратившаяся в процветающее государство, Мекку смешанных единоборств – не в последнюю очередь благодаря деятельности таких энтузиастов, как Хамза Кухежи.

Термин «мягкая сила» используется не только, когда речь идёт об отношениях между культурами и странами, но и применительно к интеракции между индивидами и социальными группами, тоже могущими обладать *soft power*. Поскольку подобная интерпретация мягкой силы, изначально предложенной в качестве политологического термина и политического лозунга, не является конвенциональной, остановимся на ней чуть подробнее.

Уникальность смешанных единоборств заключается в том, что они предоставляют спортсменам платформу не просто для спортивной, но и иных видов деятельности – рекламно-пропагандистской, мотивационной, актёрско-развлекательной, даже политической (в её широком толковании), – что высвечивает иное понимание ресурса мягкой силы – создание элементов аттракции не на уровне взаимоотношений государств, но личностей, когда участники соревнований используют доступ к дискурсу как ин-

¹ BRAVE CF 65 Re-live.

² Ibid.

струмент власти для продвижения своего имиджа или выгодной им повестки дня, как правило, не изолированной от социально-культурных тенденций XXI в., на самом деле в определённом смысле выкристаллизовывающей эти тенденции. Одним из примеров в данной связи может быть миссия, избранная себе американским бойцом ММА Оди Делани. Для него смешанные единоборства – это способ помочь молодым людям, которые подвергаются дискриминации:

Odie Delaney: ... I'm here to represent my God, Jesus Christ. I'm here to represent family, my martial art ... I mean, I'm not really in this for the glory or the money. I wanna help people. I've been in some really dark places in my life. I've been on the edge of suicide and I wanna bring and shed light on that stuff to maybe save some lives. So I'm here to, I'm here to wrap that¹.

Ср.: *We're looking at Odie Delaney, a man who has had quite a ride in his life, who was bullied as a kid. He likes to advocate for kids who are bullied, who may be considering such awful things as suicide. He is a mental health advocate. He feels that there is not enough people in mixed martial arts who was supporting this line of thinking and are adequate role models and that, Mitch, above all else, I believe when I listen to his story is his main aim here. He wants to be a role model for people who have a similar experience to him when he was struggling. What a guy!²*

Как видно из приведённых речевых фрагментов, ММА-коммуникация не лишена выразительности, которая достигается говорящими прагматическим использованием тропов и риторических фигур. Отметим в этой связи анафору (I'm here to represent ... I'm here to represent...; I've been ... I've been ...), параллельные конструкции, лексические повторы (life, lives; advocate for kids, mental health advocate), восклицания (What a guy!).

Однако насколько можно говорить о реализации в данных контекстах мягкой силы? Как нам представляется, имидж, который прагматически создаёт для себя участник ММА-соревнований, основывается в том числе на «мягких» аттракторах: в дискурсе конструируется видение бойца ММА в качестве образца для подражания (role model), даже не потому что он самый сильный и непобедимый – хотя это, несомненно, тоже присутствует в личности Оди Делани, – но скорее потому, что он близок многим болельщикам, которые могут самоидентифицироваться с ним³. Перед зрителем предстаёт реальный человек – человек, прошедший через большие жизненные трудности, побывавший на грани самоубийства (on the edge of suicide) и тем не менее, несмотря на всё, сумевший добиться внушительных успехов в спорте, открывший для себя Бога и теперь стремящийся оказать поддержку другим, таким же, как он, людям, подвергающимся травле (bullying), возможно, думающим свести счёты с жизнью. Стратегия самопрезентации, избираемая Оди Делани, усиливается ремарками комментаторов ММА-соревнований, которые по сути развивают мотивационный дискурс, складывающийся вокруг личности спортсмена.

Подчеркнём, что религиозный аспект составляет немаловажную часть нарратива, излагаемого спортсменом, транслируемого не только вербально, но и без слов, например, с помощью того, что можно охарактеризовать термином «телесность» [7]. В анализируемой про-

³ Ср.: *Michael Chandler: I don't think the general fan really needs to see us talk about how tough we are because we know that we are tough – we fight in a cage for a living. So to be able to break it down and humanize myself and humanize, I think the best thing fighters can do is to humanize themselves, to say 'Hey, just like you, you know, the average fan base – 18 to 35, male, whatever, like I'm just like you. You know, let's do this thing together'* (источник: UFC 262: Michael Chandler Octagon Interview // UFC : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=O5XIWdzNQ3U&ab_channel=UFC-UltimateFightingChampionship (дата обращения: 19.03.2023)).

¹ ONE: BAD BLOOD.

² Ibid.

фессиональной среде язык тела (body language) передаётся в том числе посредством татуировок (см. рис. 1).

Рис. 1 / Fig. 1. Оди Делани / Odie Delanie

Источник: Martin D. To hell and back: ONE heavyweight's harrowing journey from near suicide to becoming a champion for mental health [Электронный ресурс] // MMA Fighting : [сайт]. URL: <https://clck.ru/35VMif> (дата обращения: 18.03.2023).

На фото О. Делани на рис. 1 чётко различим крест – символ христианской веры, что вполне соотносится с миссией, избираемой для себя бойцом – представлять своего Бога, Иисуса Христа (I'm here to represent my God, Jesus Christ ...)¹. Одновременно татуировка изображает некоего окрылённого зверя. Есть в ней и отдалённое сходство с гербом США, изображающим орлана, – страны, которую представляет спортсмен.

Норвежский боец Томас Нармо – противник Оди Делани – тоже сторонник мотивационного дискурса. О том, что это так, свидетельствуют хотя бы некоторые из татуировок на теле спортсмена: на предплечьях норвежца написаны ла-

тинские фразы 'Non Desistas' (никогда не отказываться) и 'Non Exieris' (никогда не сдаваться), на груди – 'Amor Vincit Omnia' (любовь всё побеждает), а на правой руке поверх рисунка высечено изречение на английском языке 'The Strong Survive', что даёт представление о принципах, которым Томас Нармо следует в своей профессиональной карьере и жизни (см. рис. 2).

Рис. 2 / Fig. 2. Томас Нармо / Thomas Narmo

Источник: Thomas "The Last Viking" Narmo [Электронный ресурс] // ONE Championship : [сайт]. URL: <https://www.onefc.com/athletes/thomas-narmo/> (дата обращения: 19.03.2023).

В целом в рассматриваемом дискурсе, по понятным причинам, уделяется повышенное внимание внешним данным спортсменов (рост, вес и т. п.), но коммуникация смешанных единоборств нередко выходит далеко за рамки профессионального интереса к телу бойцов. Для демонстрации этого приведём следующий диалог, в котором обсуждается внешность Томаса Нармо:

Commentator 1: *The tallest man on the One Championship rostrum throughout – Thomas Narmo against Odie Delaney. Biggest man in One Thomas Narmo returns to action ... it will be no easy task to take down the hulking 6 foot 7 Norwegian. Former pro-*

¹ Ср.: Beneil Dariush: *First things first, I wanna thank my Lord and Savior Jesus Christ. That's number one* (источник: UFC 262: Beneil Dariush Octagon Interview // UFC : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yDDcJi7sarc&ab_channel=UFC-UltimateFightingChampionship (дата обращения: 19.03.2023)).

*fessional hockey player's fired up after his last fight was cut short. And tonight, **the Last Viking plans to keep the fight standing... So the big boys back, a precursor if you like to our main event of the evening.** ...*

*Commentator 2: **Thomas Narmo needs to move, he cannot stay still for one minute. He plants his feet, Odie Delaney is gonna try to shoot in there and get that takedown. ... I meter 93, so he isn't tiny, is he? But he's not quite tall as this guy. Thomas Norma, 2 meters dead even.** ...*

*Commentator 1: ... **Look at him! He is, should be in every single Viking movie there is right now!***

*Commentator 2: **Yeah, exactly. We've got our own Netflix content. It would be Apprentice One Championship edition. But yes, you're right. He's appeared on the Norwegian Netflix series ... He appeared as a bodybuilder there which seems suitable to me.***

*Commentator 1: **A 100% meet, he fits the mold to the T. And we know that the last Viking is gonna go out on his shield whenever he competes and really he wants to put on good performance here ... I mean everything that the word Viking conjures up, he fits the build precisely, doesn't he? Every inch the Viking and he is about to throw down in a few seconds from now.***

*Commentator 2: ... **This could be over quickly. Two enormous athletes and they aren't looking to hang about.***

*Commentator 1: **Narmo, the 2-meter-tall Viking in the black trunks ...**¹*

Для описания внешнего вида спортсмена используются прилагательные в превосходной степени (*tallest, biggest*), которые затем повторяются и в своей исходной форме (*tall, big*), а также эпитеты с семантикой «огромный» (*hulking*). Для характеристики Оди Делани, который при своём росте 1 м 93 см несколько меньше 2-метрового скандинавского спортсмена, иронически применяется эпитет *'tiny'* – «крошечный», – хотя комментатор соревнований и вынужден признать, что

американец тоже не «маленький». В ходе разговора рост норвежца несколько раз конкретизируется (6 foot 7 Norwegian, 2 meters dead even, the 2-meter-tall Viking).

Речь в диалоге идёт не только о ММА. Журналисты активно употребляют кличку бойца *'The last Viking'*, признавая внешнее сходство между ним и раннесредневековыми викингами, что только подчёркивает национальную принадлежность спортсмена². Много говорится и о его актёрской карьере: норвежец уже снимался в фильмах и играл в них роль бодибилдера, что, по мнению комментаторов поединка, имело несомненный успех. Отмечается, что Томас Нармо, обладая уникальными внешними данными, должен продолжать работу в киноиндустрии и в особенности принимать участие в съёмках фильмов о викингах. Параллельно рассказывается и о том, что организация смешанных единоборств *'One Championship'* выпускает серии *'Apprentice'* – название является аллюзией на популярное одноимённое американское реалити-шоу, ведущим которого на протяжении многих лет был никто иной, как Д. Трамп.

Заключение

Дискурс смешанных единоборств, являясь разновидностью или, если угодно, субдискурсом спортивной коммуникации, несомненно, транслирует мягкую силу, хотя бы в плане того, что понятия «спорт» и «мягкая сила» могут изучаться вместе. Однако в рамках лингвистики особое внимание следует уделять даже не тому факту, что любой вид спорта, практикуемый более или менее широко, соотносим с найевским термином *'soft power'* – это скорее предмет социологического или политологического изыскания, – но мягкой силе самой дискурсивной деятельности и её манифестациям в конкретных типах институциональных

¹ ONE: BAD BLOOD.

² История викингов неразрывно связана с Норвегией – родиной спортсмена. По одной из версий сама лексема «викинг» произошла от древнорвежского слова *'vikingr'* (досл. «человек из бухты»).

дискурсов. В статье проделана работа в отношении относительно малоизученной и достаточно узкопрофессиональной среды общения – дискурса смешанных единоборств.

В ходе исследования установлено, что мягкая сила транслируется посредством референции к таким понятиям, как «культурная ценность», «страна» и «нация». Спортсмен часто не просто репрезентирует государство на международной арене, но в дискурсе создаётся образ человека, идущего в бой вместе со своей страной, вместе со своей нацией. Как следствие, его победа – это в определённом смысле не столько личная, сколько коллективная победа, о чём некоторые участники ММА-соревнований говорят прямо. В этой связи анализируемая коммуникативная среда способна противостоять расистским нарративам, поскольку даже крохотные и беднейшие страны получают шанс заявить о себе благодаря спортивным успехам их представителей.

Важным аспектом повышения аттрактивности боевых искусств, наряду с увеличением притягательности мест проведения ММА-событий, может быть под-

чёркивание богатой истории, присущей определённым стадионам и спортивным центрам. В таких контекстах нередко выделяется культурная значимость, а порой и сакральность последних для жителей того или иного города, той или иной страны.

Концепт «мягкая сила», по нашему мнению, не редуцируем к глобальным вопросам взаимоотношений государств и культур. Он также применим к описанию личности бойцов, которые формируют себе позитивный имидж отнюдь не только громкими победами. Прагматически используя доступный им дискурс, спортсмены способны вплетать в него элементы мотивационного, религиозного, развлекательного, идеологического и др. дискурсов, проецируя тем самым мягкую силу, не ограничивающуюся профессиональной сферой спорта. На уровне коммуникации это ведёт к гибриднему характеру общения, освещение которого может служить вектором дальнейших лингвистических исследований в области дискурса смешанных единоборств.

Дата поступления в редакцию 11.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренова Н. А., Орлова А. А. Дискурсивные характеристики fashion-блогинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 6–19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19.
2. Блох М. Я., Молчанова Е. С. Метафоры и сравнения в жанрах интернет-дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
3. Булгакова А. А. Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3 (42). С. 82–90.
4. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
5. Галичкина Е. Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (135). С. 97–100.
6. Грошева А. В. Политейнмент-дискурс: к определению понятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4 (46). С. 31–37. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10404.
7. Каримова Д. Х. Единицы вербализации телесности в драматургическом дискурсе (на примере американской драмы первой половины XX века) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 263–268.
8. Кондакова Е. А., Принципалова О. В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 2. С. 143–

156. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156.
9. Копнина Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 11. С. 248–253. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.52.
 10. Мальцева И. А. Манипулятивные способы воздействия на аудиторию в контексте спортивного медиадискурса (на примере федерального телеканала «Матч-ТВ») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 177–187.
 11. Мальцева И. А., Лебединская В. Г. Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 84–90. DOI: 10.26293/chgru.2022.114.1.012.
 12. Мощева С. В. Речевое поведение в манипулятивно маркированном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 6–12. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-6-12.
 13. Пономарев Н. Ф. Реакретизация и маркетинг впечатлений // E-SCIO (электронный журнал). 2019. № 10 (37). С. 279–286. URL: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2019/05/E-SCIO-10_2019.pdf (дата обращения: 11.03.2023).
 14. Самойлова А. В. Лингвопрагматика англоязычных политических неологизмов // Язык и социум: динамика взаимоотношений: монография / под ред. В. В. Катерминой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 194–212.
 15. Филиппова И. Н., Вековищева С. Н. Псевдодисфемия судебного дискурса средневекового Китая в зеркале литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-1. С. 104–112. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-104-112.
 16. Фефелов А. Ф. Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12. № 2. С. 40–49.
 17. Шибут И. П. Формирование профессиональных компетенций современного журналиста в условиях информационной и коммуникационной конвергенции // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Журналистика. 2022. № 2. С. 4–9.
 18. Юдин Н. В. Секьюритизация дискурса «мягкой силы» в российских международно-политических исследованиях // Коммуникация. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 2. С. 56–72.
 19. Brown W. P. Structure, role, and ideology in the Hebrew and Greek texts of genesis 1:1-2:3. Atlanta: Scholars Press, 1993. 268 p.
 20. Fairclough N. Language and power. London: Longman Group, 1989. 259 p.
 21. Foucault M. The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth: Penguin, 1978. 168 p.
 22. Leonard A. Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf, Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology. Oxford: Rowman & Littlefield publishers, Inc., 2010. 357 p.
 23. Nye J. Soft Power. The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

REFERENCES

1. Akhrenova N. A., Orlova A. A. [Discourse characteristics of fashion blogging]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 6, pp. 6–19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19.
2. Blokh M. Y., Molchanova E. S. [Metaphors and similes in the genres of internet-discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 3, pp. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
3. Bulgakova A. A. [Creating a new world: transmedia storytelling principles in the COVID-19 pandemic news discourse]. In: *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual issues of modern philology and journalism], 2021, no. 3 (42), pp. 82–90.
4. van Dijk T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2013. 344 p.

5. Galichkina Ye. N. [Typology of speech genres of network computer communication]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 2 (135), pp. 97–100.
6. Grosheva A. V. [Politainment discourse: to the definition of the concept]. In: *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education], 2022, no. 4 (46), pp. 31–37. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10404.
7. Karimova D. Kh. [Units of verbalizing corporality in discourse of drama (on the basis of American drama of the first half of the 20th century)]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2015, no. 2-2, pp. 263–268.
8. Kondakova E. A., Printsipalova O. V. [Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics]. In: *Vestnik Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 143–156. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156.
9. Kopnina G. A. [Verbal resistance to political labelling as a defensive means in information-psychological war]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 13, no. 11, pp. 248–253. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.52.
10. Maltseva I. A. [Manipulative ways of influencing the audience in the context of sports media discourse (on the example of the federal TV channel "Match-TV")]. In: *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 177–187.
11. Maltseva I. A., Lebedinskaya V. G. [Development of esports journalism in the context of formation of sports discourse: experience of analyzing the media text of the regional online publication "yuga.ru"]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2022, no. 1 (114), pp. 84–90. DOI: 10.26293/chgpu.2022.114.1.012.
12. Moshcheva S. V. [Speech behavior in manipulative discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 4, pp. 6–12. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-6-12.
13. Ponomarev N. F. [Recreation and marketing of impressions]. In: *E-SCIO (elektronnyy zhurnal)* [E-SCIO (e-journal)], 2019, no. 10 (37), pp. 279–286. URL: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2019/05/E-SCIO-10_2019.pdf (accessed: 11.03.2023).
14. Samoylova A. V. [Linguistic pragmatics of Russian-language manifestations of neologisms]. In: *Yazyk i sotsium: dinamika vzaimootnosheniy* [Language and society: meeting dynamics]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2022, pp. 194–212.
15. Filippova I. N., Vekovishcheva S. N. [Pseudodisphemy of the judicial discourse of medieval China in fiction]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3-1, pp. 104–112. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-104-112.
16. Fefelov A. F. [Dialectics of race and racism markers in "The adventures of Tom Sawyer" and "The adventures of Huckleberry Finn"]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2014, vol. 12, no. 2, pp. 40–49.
17. Shybut I. P. [Formation of professional competencies of a modern journalist in the context of information and communication convergence]. In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Zhurnalistika* [Journal of the Belarusian State University. Journalism], 2022, no. 2, pp. 4–9.
18. Yudin N. V. [Russian International Relations Studies: Securitization of the 'Soft Power' Discours]. In: *Kommunikatsiya. Media. Dizayn* [Communications. Media. Design], 2019, vol. 4, no. 2, pp. 56–72.
19. Brown W. P. Structure, role, and ideology in the Hebrew and Greek texts of genesis 1:1-2:3. Atlanta, Scholars Press, 1993. 268 p.
20. Fairclough N. Language and power. London, Longman Group, 1989. 259 p.
21. Foucault M. The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth, Penguin, 1978. 168 p.
22. Leonard A. Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf, Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology. Oxford, Rowman & Littlefield publishers, Inc., 2010. 357 p.
23. Nye J. Soft Power. The means to success in world politics. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Александр Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы;

e-mail: neuausstatten@mail.ru;

Сорокина Эльвира Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Государственного университета просвещения;

e-mail: ellasor@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander B. Alexeyev – Cand. Sci. (Philology), Associate Prof., Department of English Language, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

e-mail: neuausstatten@mail.ru;

Elvira A. Sorokina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the English Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, State University of Education;

e-mail: ellasor@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеев А. Б., Сорокина Э. А. Дискурс смешанных единоборств в аспекте изучения мягкой силы // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 17–32.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-17-32

FOR CITATION

Alexeyev A. B., Sorokina E. A. Mixed martial arts discourse in connection with the study of soft power. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 17–32.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-17-32